

Олег Ёлшин
Пока поют соловьи

Олег Ёлшин

Пока поют соловьи

«Издательские решения»

Ёлшин О.

Пока поют соловьи / О. Ёлшин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934795-4

Она на долгие десятилетия заперта в четырех стенах и совсем одна. В прошлом годы непризнанного творчества, жалкие крохи несбыточной любви, нищета, забвение. Так оказалась на самом краю всеми забытая и никому не нужная. Выхода только два — туда вниз, покончив с бессмысленным бременем не думая больше ни о чем или, преодолев ненавистное притяжение, совершить полет. Куда? Туда, где ей будут рады и где таких как она ждут всегда...

ISBN 978-5-44-934795-4

© Ёлшин О.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Пока поют соловьи

Олег Ёлшин

*«Бунт против природы: женщина – гений!»
(Октав Мирбо)*

© Олег Ёлшин, 2018

ISBN 978-5-4493-4795-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Серый вечер навалился на парк, спрятав жаркое солнце за кронами высоких деревьев, зажег в парке фонари, разбудил легкий ветерок и вступил на пару часов в сумеречные права. Еще один день подошел к концу. Громоздкое старинное здание клиники погрузилось во мрак. По дорожкам после вечерней трапезы размеренно прогуливались пациенты. Одни о чем-то говорили, другие молча брели, глядя под ноги, а кто-то разговаривал сам с собой, что было не удивительно для места, где содержались душевнобольные. Размеренная, привычная обстановка навевала беспросветную скуку. Иногда в белых халатах неторопливо сновали санитары и медперсонал. И вечер. Еще один вечер, который очень скоро приговорит этот день к ночи. А завтра наступит еще один день, потом еще. И так до бесконечности. Время здесь не имело значения. Многие постояльцы проводили здесь месяцы и годы, а кто-то обречен был задержаться в этих стенах на всю оставшуюся жизнь, поэтому какой-то ничтожный день, тем более вечер не имел для этих людей никакого смысла.

В окнах начали зажигаться огоньки, и только одно из них оставалось темным, словно за ним никого не было. Но если присмотреться, можно было заметить женский силуэт, облаченный в скромное белое одеяние. Женщина стояла у приоткрытой двери балкона, который опоясывал второй этаж здания, и смотрела вниз на парк. О чем она думала, что привлекало ее внимание, было непонятно. В комнату постучали.

– Мадам, у вас темно, включить...

– Не надо!

Женщина зло перебила вошедшую медсестру и отошла от окна. Ее фигура, слившись с темнотой, едва выделялась в свете далекого фонаря на фоне серой стены. Медсестра, привыкнув к сумраку, ответила:

– Конечно, мадам, как вам будет угодно, – и продолжила: – Вы не спустились к обеду, не пришли на ужин. Вы с утра вообще никуда не выходили. Я принесла еду. Пожалуйста, поешьте! – и поставила поднос с тарелками на стол.

– К черту вашу еду! К черту ужин!

– Так нельзя. Вы должны есть...

– Вы узнали то, о чем я вас просила? – снова резко перебила ее женщина.

– Да, мадам, – и замолчала.

– И что же?

– Ничего... Пока ничего – ответа нет.

– Ни от матери, ни от брата?

– Я сожалею, мадам.

– Может быть, врач им вообще не писал? Какого черта я нахожусь здесь уже год?! Вы понимаете – целый год!

– Нет-нет, мадам, главный врач еще несколько месяцев назад отправил письмо вашей родне, рекомендуя забрать вас отсюда, но...

– Но сумасшедшая никому не нужна! Даже моему хорошенькому умнице, моему ласковому братцу, – и она зло рассмеялась.

– Вы сами говорили, что ваш брат находится с дипломатической миссией в Китае. Он там надолго, на годы!

– А письма в Китай не доходят?! Брат... А мамочка? Эта старая мегера тоже молчит?

– Пока да, мадам. Ответ мы не получили. Вам нужно поесть, – тихо, но настойчиво повторила медсестра.

– К черту вашу еду.

– Вы что-нибудь еще хотите, мадам? – спросила напоследок медсестра.

– Веревку, – устало ответила женщина и скрылась в дальнем углу комнаты, погрузившись во мрак.

– Свет включить?

– НЕТ!

Дверь тихо прикрылась, и крошечная тишина наполнила комнату, превратив ее в темный склеп. Только тусклый свет фонарей пробивался сквозь окна, и легкий ветерок заглядывал через приоткрытую дверь балкона, шевеля длинную занавеску. Женщина осталась одна. Так будет до завтрашнего дня, пока сюда снова кто-нибудь не заглянет с бессмысленными вопросами. А потом еще один день и еще, серый, однообразный, без признаков жизни и тепла. Они словно близнецы выстроятся в длинную вереницу, уходящую в бесконечность, и сколько таких дней впереди – не сосчитать...

Внезапно что-то привлекло ее внимание. Свет от фонаря достигал угла комнаты, и в серовато-белой дымке женщина заметила какое-то движение. Это была бабочка. Но что она здесь делает в такое время суток? Женщина присмотрелась. Маленький белый комочек повис на крепкой нити паутины, отчаянно пытаясь освободиться. А наверху затаился черный паук. Он был раз в десять меньше своей жертвы, что, по-видимому, его не смущало, и он готовился к битве. А белые крылья совершали отчаянные взмахи. Так продолжалось какое-то время, теперь женщина внимательно следила за происходящим, не в силах отвести глаз. В какой-то момент показалось, что бабочка вот-вот освободится, сделает рывок, потом еще попытку, и наконец, покинет смертельную ловушку. Но черный дьяволенок, заметив это, начал спускаться по тонкой струне вниз. Расстояние неумолимо сокращалось. Бабочка, увидев своего палача, начала биться, что было сил. На мгновение паук отскочил, но затем внезапно бросился к белому существу, оседлав его. Теперь этот черно-белый комок начал отчаянно вращаться. Паук крепко держался за бабочку, а та, совершая немыслимые движения, билась на прочной струне, пытаясь его сбросить, высвободиться и улететь. Круги увеличивались, женщина в восторге и ужасе замерла. Это был танец жизни и смерти. Черная маленькая смерть, не уступая, крепко паучьими лапками впилась в жертву, а жизнь белыми крыльями билась за утро, которое завтра наступит, ... непременно наступит, ... за зеленый луг, на котором будут расти сказочные цветы, за солнце, выглядывающее из-за облаков. Нужно устоять, нужно набраться сил, сбросить эту ненавистную черную точку и покинуть проклятый угол навсегда. Вращение усиливалось. Если бы не знать, чем все закончится, могло бы показаться, что веселый белый волчок, повиснув на тонкой нити, в дивном танце совершает грациозные пируэты и па, а концом всему будет безудержное веселье. Потом эти двое, устав, счастливо разбегутся в разные стороны, изящно поклонившись публике, и под звуки аплодисментов отправятся на шумный бал, продолжая невинный праздник. Но...

Паук смог выпустить еще одну коварную липкую нить, набросив ее бабочке на крыло, которое тотчас обвисло. Потом он бросился в сторону, закрепив ее на стене, и снова вернулся. Вот еще одна тонкая нить. Одна за другой они ложились прочными петлями. В мгновение ока сплеталась широкая паутина, где жертва, наконец, оказалась распятой. Она еще пыталась шевелить белыми крыльями, запутавшимися в смертельной западне. Движения были судорожными, полными стремления к жизни и отчаянной воли. Но над ней на вертикальной нити уже застыла смерть – черная, с крошечными лапками и почти невидимой головой.

Но почему? Невозможно было проникнуть в эту тайну, в черную головку, заглянуть в блестящие глаза. Что мешает хищнику в этот же миг наброситься на свою жертву, сделать последний рывок и начать пить живую, такую освежающую кровь. Но паук не двигался с места.

Интересно – о чем он думает? – вдруг мелькнуло у женщины в сознании. – И есть ли ему чем думать? Тогда зачем эта зловещая пауза – странный обряд победителя? Прелюдия перед концом?... Любуется! – вдруг с ужасом поняла она. – Он любуется красотой, преклоняясь, и не в силах отвести глаз. Но очень скоро звериной, дикой волей он вмешается в чей-то боже-

ственный замысел и уничтожит, и свершит черное правосудие сильного, закончив эту историю с прекрасными белыми крыльями навсегда. А пока он не торопиться и ждет...

Наконец черная точка медленно двинулась с места и поползла. В движениях не было суеты, каждый шаг был спокойным, выверенным. Казалось, что не чувство голода в этот миг овладевает хищником, а нечто другое.

Что? Зачем? Кто все это придумал?

Наконец паук приблизился к бабочке, ловко на нее забрался и через мгновение белые крылья безвольно опустились навсегда...

Больше женщина не могла на это смотреть и отвернулась, дальше все было понятно и так. Смерть как всегда победила жизнь, оседлав ее и уничтожив. Смерть отобрала у постылого серого мира капельку красоты.

Но почему?... Может быть так и должно быть? Тогда зачем все это? – билось в сознании. – И какой в этом смысл?... Вербку! – снова тихо прошептала женщина, и устало села на диван...

Камилла Клодель «Мольба»

– Грех это, мадам!

Незнакомый голос возник ниоткуда, и она вздрогнула. Потом заметила человека в темной одежде, который стоял у балкона, загораживая тусклый свет от фонаря. В темноте невозможно было рассмотреть его лицо. А он тем временем продолжал:

– Говорят, что грех. Впрочем, это личное дело каждого, не правда ли, мадам? – и тихо засмеялся.

– Кто ты, черт тебя побери, и откуда взялся? – воскликнула она, приходя в себя от неожиданности.

– Так, проходил мимо, – доброжелательно отозвался он.

– По балкону?

– Что-то вроде того.

– Я тебя раньше не видела.

– Не такая уж я персона, чтобы обращать на меня внимание, – засмеялся незнакомец.

– Ты живешь на этом этаже и пробираешься, как домушник, в чужие комнаты?

– Ну, мадам, я не совсем домушник, впрочем, это не имеет значения. Надеюсь, не помешал?

– Помешал! – резко ответила она, махнув рукой, указывая на дверь.

– А я подумал..., – он немного помолчал, – мне показалось, что смогу быть полезен.

– Чем?!

– Хотя бы тем, чтобы принести веревку! – и снова залился дружелюбным смехом.

– Ненормальный. Идиот, – устало выдохнула женщина.

– Как вам будет угодно, мадам. Впрочем, я не в обиде, для этого места такой комплимент неувидителен.

– Убирайся прочь! Оставь меня в покое! – оборвала она. Но гость не двинулся с места. Он молча стоял, чего-то ожидая. Небольшая пауза повисла в прохладной тишине, лишь занавеска, скользя по полу, издавала легкое шуршание. Вдруг женщина снова заговорила, а голос ее был резким и злым:

– Ты действительно можешь достать веревку?

– Новенькую, белую и прочную, такую, как вы желаете.

– Но такие вещи здесь запрещены.

– Это не так сложно, мадам.

Теперь она внимательно его разглядывала. Наконец, вымолвила:

– Чего тебе нужно взамен такой любезности?

– О! Как сказать? Для меня большая честь разговаривать с таким человеком...

– Ты меня знаешь?

– Кто же не знает величайшего художника, скульптора? Ваши работы, мадам Софи...

– Пустое, – отмахнулась она. – Ты сказал – большая честь со мной разговаривать? А потом с большой честью отправить меня на тот свет и смотреть, как я делаю это? Ты так развлекаешься?

Мужчина уже хохотал:

– У вас удивительное чувство юмора. Нет, я, как вы изволили выразиться, не развлекаюсь, и никому смерти не желаю. Но ваши намерения повергли меня в смятение. Я вас не понимаю! Думаю, человеку такого таланта и удивительной судьбы есть в этой жизни за что держаться. Иначе и быть не может. А вы...

– Держаться? Не за что. Нет... Да и ни к чему все это...

– Говорят, у вас редкий дар, мадам.

– Моя жизнь, как тень, черная, бесформенная и безлика, понапрасну скрывающая солнце. В ней нет ни капли смысла, – тихо беспомощно пробормотала она. – Да, что ты в этом понимаешь?

– Так объясните!

– Тебе? Не твое дело! Кто ты такой?

– Как знаете, мадам, – и мужчина сделал шаг к балкону.

– Постой!

– Конечно, мадам.

И снова тишина надолго заполнила темноту.

– Мадемуазель! – наконец выдохнула она.

– Тем более.

– Чего ты от меня хочешь?

– Повторяю, я не убийца, а потому желаю знать, зачем вы решили совершить такой поступок. А если это минутная слабость? Если это роковая ошибка? Тогда вам веревка не понадобится вовсе. Я не хочу в этом участвовать, не зная истинных причин. Простите, но вам придется убедить меня в необходимости такого шага, лишь тогда я смогу помочь.

- Хочешь знать правду? Не хочешь марать руки и брать на себя грех?
- Грех? – и веселые искорки блеснули в глазах мужчины, но она их не заметила, а незнакомец невозмутимо продолжал:
 - Что же, пусть будет грех, если вам так угодно.
 - Исповедь..., – пробормотала она, – ты священник?
 - Ни в коем разе, скорее, наоборот.
 - Что – наоборот? – вздрогнула она.
 - Священника не призывают для такого случая. А он, узнав о ваших намерениях, сюда бы не пришел – скорее, придал бы вас анафеме. А я? Что я? Первый встречный, ничего не значащий для вас человек. Может быть последний, попавшийся под ноги на этой грешной земле, и вы можете смело довериться мне, обо всем поведав. Можете выбросить все лишнее, ненужное, то, что мешало в мусорную корзину. Считайте, будто меня здесь нет. И, повторюсь, я не священник – уж это точно.
 - Ясно – праздное любопытство! Спектакль для балконного проходимца, затеявшего забраться в чужую душу перед ее кончиной, а потом рассказывать об этом другим ненормальным... Да ты просто ничтожество, как и все они, – прошептала она.
 - Пусть будет так, мадемуазель... Итак, я слушаю вас...
 - А ты действительно можешь...
 - Принести веревку? Да, мадемуазель. Возьму ее в прачечной. Там у меня есть хорошая знакомая.
 - Но уже поздно.
 - Прачки работают и ночью.
 - Значит, покончим с этим прямо сейчас... Что же – так тому и быть. Так даже лучше... Что ты хочешь знать?
 - Все!

Теперь женщина молчала, глядя на колышающуюся занавеску. Та, словно живая, шевелилась, смело разгуливая на ветру. Шелестела, перешагивая через порог балкона, кого-то выглядывала в парке внизу, снова возвращалась в комнату, на мгновение замирала, и опять продолжала свое бесконечное движение. Иногда казалось, что в нее кто-то обернулся или даже вселился. В ней было столько жизни, трепетного волнения, что невозможно было оторвать глаз. Тусклый свет фонаря подчеркивал очертания прозрачной ткани, постоянно сменяющиеся ее настроения. В ней билась жизнь, она шелестела, сияла отблесками, скрывая темноту наступающей ночи, снова становилась прозрачной. Пожалуй, она была единственной, кто пытался что-то сделать или сказать в безмолвной серой комнате, может быть показать своим неутомным видом, что жизнь продолжается, что она играет, пульсируя где-то рядом незнакомыми дивными красками. А женщина безмолвно за ней наблюдала, не в силах произнести ни слова. Молчал и незнакомец – ее спаситель или палач (смотря, как относится). Но то, что он способен повлиять на эту ночь, на несчастную, сиротливо притаившуюся в углу женщину, и ее жизнь, теперь было понятно. Все зависело лишь от времени – минут, коротких или длинных мгновений, которые понадобятся ему для простой вещи – ненадолго отлучиться, чтобы потом вернуться с веревкой. Но и он молчал, глядя на женщину, и ждал. О чем он думал? Что выражало его лицо в этот миг? Этого женщина не знала, а занавеска сказать не могла, и ветер, который с ней играл, тоже. Оба они были молчаливыми свидетелями темной комнаты и двух людей, договорившихся о чем-то, но пока размышляющих каждый о своем.

Вдруг мужчина заговорил. Его голос больше не был насмешлив, но был тороплив и волнителен. Иногда он сбивался и тогда умолкал. Незнакомец словно сбросил маску, под которой скрывал истинную причину своего визита, и не поверить ему в эту минуту было невозможно. Было видно – оказался он здесь неслучайно. И теперь мужчина с трепетом говорил:

– Мадмуазель, позвольте продолжить мне. Простите за мой поздний визит и столь необычное появление... Дело в том... Когда я узнал, что вы находитесь здесь – был крайне удивлен. Был поражен, шокирован... Я знаю вас давно. Видел не один раз в той прошлой жизни. Я за вами наблюдал не один год и хочу признаться – я ваш поклонник... Нет, не так... Ваш почитатель. Нет, снова не так... Сейчас объясню... Все началось, когда я впервые увидел ваши работы. Конечно, поначалу они меня взволновали, но узнав, что их автор женщина, я был потрясен. Такое невозможно! – говорил я себе. – Такого не было, и быть не должно. Мне стало невероятно любопытно – женщина-скульптор! И тогда при случае я решил вас разыскать. А когда мне это удалось...

Внезапно мужчина умолк. Какое-то время было слышно лишь его прерывистое дыхание.

– ...я понял, что полюбил вас, – наконец закончил он.

– Вот дьявол. Только этого мне не хватало! – низким голосом резко отозвалась обительница темной комнаты и засмеялась.

– Позвольте, не перебивайте, дайте мне сказать.

– Господи, как я сразу не поняла – ночью в сумасшедшем доме через балконную дверь вваливается какой-то тип... Эй, послушай, ты в своем уме – никого моложе себе не выбрал – мне не двадцать лет, даже не тридцать и не тридцать пять.

– Умоляю, дайте же мне сказать...

– Ты в состоянии выполнить свое обещание или все это бредни и пустой вздор? – снова оборвала она его.

– Да. Но прежде выслушайте меня.

– Только быстро – я не желаю долго терпеть. Говори – и покончим с этим. Сразу и сейчас.

– Конечно... Могу я пройти?

Все это время он стоял у балконной двери. Женщина жестом указала ему на кресло в глубине комнаты напротив себя. Он сделал несколько шагов и сел. Помолчав немного, снова заговорил:

– В тот день зачем-то я снова и снова рассматривал огромную скульптуру, с которой все и началось. На постаменте было начертано ваше имя, и я недоумевал. Простите, но в голову лезли самые идиотские мысли: Интересно, чтобы поднять такой кусок бронзы – какие у ее автора руки? А ноги? Чтобы под таким весом устоять – какой они должны быть толщины? Женщина – титан? Женщина – атлант? А какой, простите, у нее торс, зад? Она сделана из камня? А какие у нее мышцы, пальцы рук, а грудь? На какое животное должно походить существо женского рода, работавшее с таким материалом? Интересно – каких она родит детей? Гигантов? Женщина—скала, высекающая искры из куска мрамора или гипса. А стоит ей прикоснуться к лишнему фрагменту гранита – пожалуй, он тотчас превратится в пыль. Так думал я, оглядывая скульптуру, уже не в силах сдерживать смех. Люди, находившиеся в зале, с недоумением на меня смотрели, но я не мог скрыть своего настроения. Уже как ненормальный хохотал. Это был странный приступ. В этот миг меня не интересовало эстетическое восприятие скульптуры – лишь видел образ колосса в женском одеянии, сотворившего подобное, что меня чрезвычайно веселило...

Прошло время. Я об этом забыл. Но однажды в Париже, проходя мимо одного из художественных салонов, увидев вывеску «Работы Гобера и его учеников», решил зайти. Сразу же вспомнил – все говорили, что та особа исполинских размеров и непомерной силы – его ученица. А потом, когда мне в зале, заставленном огромными скульптурами, показали вас, я был потрясен. Передо мной стояла миниатюрная девушка. Нет, женщина. Совсем еще юная чудесная женщина с прекрасными глазами, удивительными тонкими руками, и взглядом, в котором помещался целый мир. Я подошел, что-то спросил. Вы что-то ответили, кивнув в сторону скульптур, и перешли в другой конец зала к своему учителю. Вы меня не помните. Случилось это лет пятнадцать назад. Но, дело не в этом. В салоне была толчея. Все о чем-то говорили,

спорили, ругали или хвалили. Так обычно бывает в подобных местах. А я снова искал возможность приблизиться к вам. И опять эти глаза, их глубина – океан, куда меня не допускали, где мне не было места. Он был загадочным, словно находился на другой планете, наполненный неведомыми желаниями, мечтаниями, потаенными страстями. Да-да, страстями! А еще эти тонкие нежные руки. И откровенный взгляд, которым вы изредка втайне, как вам казалось, одаривали Гобера. То были мгновения, когда в ваших глазах зажигались огоньки красивой, утонченной, нежной женщины. Не скульптора, а именно женщины. Страстной и волнуемой. С нескрываемым темпераментом и неподдельным обаянием, которым обладают лишь немногие представительницы вашего пола. И все это вы отдавали только ему. На остальных вам было наплевать, впрочем, как и на меня. Хотя, как мне тогда показалось, Гобер не устаивал вас таким же вниманием. Ему тоже было на вас наплевать. Он встречал гостей, что-то говорил, показывал, торговался, продавая свои творения, рядом с которыми скромно помещались работы учеников. И снова шум голосов, нагромождение каменных, гранитных или бронзовых глыб и изваяний. А я продолжал наблюдать. Меня не интересовали скульптуры. Интересовали только вы. И вдруг я понял – мир, где вы находитесь, он... Как это объяснить? ...вам чужд. Он стирает с вашего лица красоту, подменяя ее призрачными иллюзиями, нереальными мечтами, порочной любовью. Вы были нежным цветком в этой каменной пустыне. А вокруг сад мертвых камней, где вы оказались случайно, и должны были немедленно его покинуть. И тогда мне пришла в голову мысль: глина, все эти булыжники – они не стоят, не заслуживают вас, и этот полный пожилой мужчина тоже. Вы – совсем еще юная, трепетная особа, – как полевой цветок, как бабочка с белоснежными крыльями – а рядом это нагромождение. Тогда и понял, что полюбил. А еще понял – что ненавижу все эти скульптуры. Они убивают вас, а этот ужасный тип по имени Гобер – вас унижает... Таково было мое с вами знакомство... Вам было на меня наплевать, поэтому вы меня не запомнили. Зато я вас запомнил на всю жизнь. А недавно, узнав, что вы оказались здесь – был потрясен. Еще и эта веревка, мадмуазель Софи. Они вас стерли, это они вас уничтожили.

– Остается последнее – меня убить... Чего молчишь? Неси, что обещал. Ты все сказал, добавить нечего.

– Нет!

– Что?

– Я хочу знать все. Хочу услышать это от вас. Вопрос простой – если бы вам пришлось начать все с самого начала – вы пошли таким же путем?

– Какая разница?

– Мне это важно знать.

– Пустое.

– Неужели не хочется вернуться назад, повернуть время вспять, сделать шаг в сторону, изменить, а потом прийти к другому итогу. Да и что за итог в ваши годы? Впереди возможна целая жизнь или большой достойный ее отрезок, полный радости, может быть, любви – почему нет? Какие ваши годы? Вы хотели бы вернуться и все исправить?

– Какой смысл в этом разговоре? Ничего уже не изменишь...

– Мадмуазель Софи, если хотите, чтобы я выполнил свое обещание – вы должны мне помочь. Иначе я не смогу. Не смогу человеку, которого я давно... принести веревку. И только если буду уверен, что иного выхода нет – сделаю это. Из любви к вам. Любви к той девушке с красивыми глазами, тонкими руками и взглядом, полным радости, жизни и любви, на которую по нелепой случайности взвалили чужую жизнь.

– Что за странная идея говорить о ерунде? О том, что невозможно.

– Все возможно. И выйти отсюда можно, не обязательно в петлю лезть. Жить за этими стенами счастливо, безмятежно. Вопрос лишь в том – как? Чтобы ответить на него – нужно что-то исправить в прошлом – не правда ли? От чего-то отказаться. Без прошлого ни настоящего,

ни будущего нет. Нужно выкинуть что-то из сердца, из души. Очиститься, снять гранитные, мраморные и бронзовые вериги, которые были так тяжелы – и вы станете свободной.

– Я не понимаю тебя, домушник... Тебе меня не спасти.

И снова тишина поселилась в почти пустой темной комнате. Даже занавеска не колыхалась, даже ветер упокоил свои порывы, затаившись, словно чего-то ожидая.

– А ты случайно не из отделения, которое находится в углу здания, где двери всегда закрыты и откуда никого не выпускают – даже в смиренных рубашках? Сбежал? Ушел по балконам? Какая прелесть! Тебя мне бог послал. Так задуши меня. Просто сделай это. Чего ты ждешь?... Молчишь?... А! Поняла. Ты не просто маньяк. Ты извращенный маньяк. Тебе важна прелюдия. Долгая! А потом сладостный конец.

– Вы все неправильно поняли.

– Помогаешь достать веревку женщине, которую, как говоришь, любил когда-то. Но прежде душу из нее вынешь, перепишешь жизнь, и только потом с ней покончишь. Может, ты еще и петлю на шею накинешь? Получаешь удовольствие? Как тебе больше нравится? Ты садист? Ну, давай же. Тебе и веревка не понадобится. Смелее! А знаешь, я даже не буду сопротивляться.

– Будете, мадмуазель.

– Значит, я не ошиблась?! Как интересно... Последняя ночь с маньяком! Какой достойный финал – видела бы меня сейчас моя матушка, – и она засмеялась. А в смехе этом не было ни капли страха, но было нечто зловещее, обреченное.

– Все не так. Напротив – я хочу вам помочь. И уверен, что ответив на мои вопросы, вы не захотите с собой кончать. Я в этом убежден. Вы не все про себя знаете, мадмуазель Софи. Про жизнь. Про этот мир. Он проще, лучше, чем вам кажется. Примитивнее, но лучше. Только не надо близко приближаться к солнцу – можно опалить крылья. Жизнь – она здесь – внизу.

– Маньяк-философ! Ну-ну! Продолжай свой ритуальный танец! Или как там это у вас называется?

– Хорошо. Я продолжу... Продолжу...

Он на мгновение задумался и снова заговорил:

– Задам, с позволения, один простой вопрос. Как такое могло случиться?

– Что?

– Я вообще не понимаю, как подобное могло произойти. В наше время женщине быть скульптором – нонсенс, дурной тон. Что это – ошибка юности, плод детской фантазии?

– Тебе не понять.

– Почему?

– Ты научился только уничтожать. Потому тебя здесь и заперли. Скольких ты убил? Создавать не пробовал?

– Громкие слова, мадмуазель. Просто слова.

– Для тебя да.

– Кому нужно это ваше «создавать»? Будь иначе – вы не сидели бы в ожидании веревки, которую желаете накинуть себе на шею. И вы знаете, что я прав. А правда эта сводит вас с ума. Верно? Создавать! То, что вы делали многие годы, оказалось никому не нужным. Или я ошибаюсь?

– Не знаю. Теперь я уже ничего не знаю, – устало прошептала она, потом резко добавила: – Решил убить не только меня? Тебе этого мало? Хочешь расколоть и мои работы? Не трудись – я их уже сама разбила. Но, это не твое дело. Не трогай осколки моих скульптур, невежда! Не про твою честь!

– А я говорил, что вы будете сопротивляться. Вот вы уже защищаете ту бессмыслицу, на которую потратили столько лет. Вы же сами разбили свои скульптуры! Так будьте честны.

Она промолчала. Было видно, как тяжело ей дается этот разговор. После этих слов женщина обмякла и теперь безвольно смотрела сквозь стену в никуда. Ей было все равно. Ее избавление сидело напротив, продолжало говорить, продолжало тянуть время, которое для нее стало бесконечным, бессмысленным, невыносимым. Думала она только об одном – когда же всему придет конец? Утешало одно – он все сделает сам, и не нужно будет брать на себя грех. А еще знала, что, пожалуй, этот идиот, маньяк без смирительной рубашки абсолютно прав.

– Вы даже себе признаться в этом не хотите, – продолжал он. – Поверьте, если вы согласитесь, если выкинете из головы бред, которым заполнили свою жизнь – сразу же излечитесь. Станете нормальным человеком... Молчите?

Но ей было все равно. Что бы сейчас он не говорил – нужно подождать. Осталось немного. Одно знала точно – скоро кошмар закончится. Произойдет все этой же ночью. А завтра она покинет больничную палату навсегда, и думать больше не хотелось ни о чем. Пусть этот влюбленный сумасшедший убийца изощряется. Пусть поносит ее скульптуры. Все пустое. Нужно лишь подождать...

– Понимаю, не хотите меня слушать. Послушайте других...

И тут она вздрогнула.

– Что за голоса? – воскликнула она.

– Голоса?... Вы что-то слышите?

– Да... Это же моя мать. Как она здесь оказалась? А с ней отец! Но это невозможно. Он ушел из жизни год назад... Это точно он!

Женщина была потрясена. Ей казалось – что теперь сама по-настоящему сходит с ума, но трезвый разумный голос вдруг спросил:

– Мадмуазель Софи, вы сегодня ели?

– Что?... Не поняла?!

– Вы когда ели в последний раз?

– Не помню... При чем здесь это?

– А из этого графина вы пили?

– Наверное, да, пила... Снова они. Я слышу их... Что налито в этом графине?

– Все просто. Медсестры разбавляют воду успокоительными. Поскольку вы пили ее на голодный желудок – у вас галлюцинации. Такое бывает, это нормально.

– Дьявол. Снова они. Ты слышишь?... Я вижу их!

– О чем они говорят?

– Ругаются...

И вдруг из стены появились две фигуры. Впереди бежала женщина, а следом гнался мужчина. Занавеска от неожиданности под сильным порывом ветра подлетела до потолка.

– Стой! Куда? Остановись, я сказал, старая дура! – прорычал мужской голос.

– Иди к своим чертям, старый козел! – парировал ему женский.

– А ну-ка стоять!

– Хватит меня преследовать. Хватит уже!

С этими словами пожилая дама в ночной сорочке остановилась, обернулась и зло уставилась на мужчину. Он был в черном костюме, в шикарном галстуке, а под ним виднелась белоснежная рубашка. И только белые тапочки не вязались с этим строгим нарядом. А женщина с ужасом и мольбой на него смотрела, продолжая говорить:

– Оставь меня в покое.

– Нет.

– Почему?

– Ты знаешь.

– Чего ты от меня хочешь?

– Ты зачем отправила туда Софи?

– Я тебе уже говорила. Я каждую ночь тебе это говорю. Сколько еще ты будешь ко мне приходить? Мало издевался при жизни?

– Так, послушай... Стоять, я сказал!... Я прошу об одном – моей девочке плохо. Ты понимаешь, плохо. Верни ее домой. Дай ей нормально жить. Она совершенно здорова.

– Здорова? Говоришь – здорова? Она ненормальная. Она жила в подворотне, в склепе, заставленном камнями. Она была похожа на скелет, когда Пьер ее нашел.

– Ну и что? У нее был сложный период. Он закончился – уже год прошел. Тебе врач еще несколько месяцев назад написал. Что – нет? Он просил забрать ее домой.

– Она снова окажется в подворотне!

– Это ее выбор.

– Нет, не ее. Твоя дочь – позор для нашей семьи.

– Это и твоя дочь.

– Она шлюха. Уличная девка. Подстилка для своих лепил. Она чуть не родила выродка от какого-то старика.

– Это не старик, а великий скульптор.

– Это не скульптор, а развратный тип, которому все равно с кем спать – главное удовлетворять свою похоть. А она его подстилка. Родила! А что потом обо мне говорили бы люди! Хорошо, что Пьер вмещался – избавил от позора.

– Это не ваше дело. Это ее жизнь! Это был ее ребенок!

– Ты сделал ее такой! Ты потакал. Учителей к ней водил. Из-за тебя она опустила на это дно. Мне не нужна такая дочь.

– Ты должна ее забрать! И надо же, какой цинизм – упекла ее в психушку всего через неделю, как меня не стало, – взревел мужчина. – Забирай ее оттуда!

– Никогда. Слышишь, никогда! Она останется там навсегда. Там ей и место.

– Ну, хорошо, старая дура. Я приду к Пьеру. Я все то же ему скажу, где бы он ни находился! Какое право вы имеете так поступать с моей дочерью?

– Это и моя дочь. Она сестра своего брата – твоего сына, уважаемого человека, дипломата. Только нам теперь решать, как с ней поступать. И оставь нас в покое. Больше не приходи. Слышишь!? Не приходи. Видеть тебя не могу!

И тут мужчина в черном костюме в бессилии взревел:

– Не то, что приходить – я тебя придушу, старая мегера. Я тебя сейчас носом в подушку...

Он кинулся к женщине, но проскочив сквозь нее, оказался в противоположном конце комнаты. А та захохотала.

– Что? Да? А ну, давай. Попробуй еще разок. Руки короткие? Всю жизнь надо мной издевался, проклятый самодур, снова решил взяться за старое? Кто теперь тебя слушать будет, старый козел?! Ненавижу тебя. Ненавижу. Ты кошмар всей моей жизни. Мало издевался? Теперь отдохни – руки короткие. И не приходи. Видеть тебя не могу!

Мужчина пришел в себя от недавнего приступа ярости, поправил костюм, галстук, и тихо, но четко произнес:

– Кошмар жизни – говоришь? Видеть не можешь? Раньше ты мне такое сказать не решалась. Ну, так знай, дорогая жена, теперь я буду твоим кошмарным сном.

– Нет! – взмолилась женщина в ночной сорочке.

– Да. И пока ты не освободишь мою девочку, я буду приходить к тебе каждую ночь.

– Мерзавец!

– Да. Буду. По несколько раз за ночь. Руки короткие, говоришь? Увидишь. Спать разучишься. Будешь бога молить, чтобы он тебя быстрее ко мне отправил. А тут уже я с тобой разберусь! Руки короткие?

– Проклятье.

– Да, проклятье. Твое проклятье! Забери ее оттуда! – снова закричал он.

– Нет!

– Куда пошла?

– Оставь меня!

– Стоять, я сказал! А ну, стоять! Вот, старая дура! Я тебе покажу – руки короткие. Устрою такое! От меня не убежишь.

Две фигуры скрылись в противоположной стене, но еще долго были слышны их голоса.

– О, господи! – прошептала Софи, – она никогда не заберет меня отсюда. Письмо дошло. Никогда... Даже мой умница, мой любимый братец на ее стороне. Какой кошмар!

Она замолчала, ее собеседник тоже не проронил ни слова. Он учтиво молчал. А Софи стеклянными глазами смотрела сквозь стену, куда только что исчезли две тени – два человека, бывшие когда-то ей самими близкими на земле. И тишина. Кромешная тишина, в которой можно было расслышать прерывистое дыхание Софи. Она была потрясена, не в силах вымолвить ни слова. Ее собеседник внимательно наблюдал за женщиной, видя, как она взволнована. Его лицо ничего не выражало. Оно, как маска, застыло без признаков жалости и сострадания. И какое-то время он беспристрастно за ней наблюдал. Наконец заговорил спокойным, легкомысленным и немного веселым голосом, словно ничего не случилось.

– Так вот, кому нужно сказать спасибо? Оказывается, во всем виноват почтенный папочка. Это он поддерживал ваши начинания.

– Не смей говорить так о моем отце, – устало произнесла Софи. – Ты ничтожество и ничего не понимаешь. Он любил меня. Он единственный, кто меня понимал! – она уже очнулась от видения, которое ее потрясло, и вдруг в ужасе посмотрела на незнакомца:

– Ты все слышал? Как такое возможно?

– Нет, не слышал – такое невозможно. Я уже говорил, что люблю вас. Слышали все вы. А поскольку участь ваша мне не безразлична – я хорошо вас чувствую и понимаю. Просто услышал ваши мысли – такое бывает в этих стенах. Все можно было прочесть на вашем лице, мадмуазель Софи.

– Тоже пьешь из такого же графина?

– Случается, – скромно ответил он, но сразу же энергично продолжил:

– Значит вы дочь своего отца. Понятно. Он вам всегда и во всем потакал. Непонятно другое – как юная девочка, родившаяся в семье, где никто не имел отношения к искусству, могла взяться за столь странное занятие? Как ей в голову такое могло придти? Не расскажете?...

– Нет, – тихо ответила Софи.

– Почему?... Молчите? Вы у себя отбираете время. Вы же хотели все закончить быстро?

– Мне все равно. Говори, что хочешь, полоумный. Мне все равно...

– Не расскажете. Хорошо. Тогда попробую я сам... Сам... Сам..., – эхом певуче повторил мужчина. Потом он встал и бодро зашагал по комнате, а занавеска в такт его шагам, затрепетала, словно аккомпанируя.

Камилла Клодель «Девушка со снопом»

– Но, коль скоро вы молчите – дальше я безответственно фантазирую. Уж простите меня. Итак. Итак... А может быть, ваш отец работал на каменоломне? Да. Именно! Там ворочал тяжелые глыбы. Это был тяжелый унижительный труд. А, возвращаясь домой к семье, детей своих приучал к такой же участи, готовя их к самому худшему. Рассказывал им обо всем, когда садился за обеденный стол, и перед ним ставили нехитрую похлебку и тарелку с луковым супом. И так каждый день. Всю долгую-долгую жизнь. Луковый суп и камни – огромные валуны на работе, где он их ворочал, может быть обтесывал. А дети с восторгом смотрели на отца – он был сильным человеком, примером для подражания. Иногда он любя поколачивал мать, потом выпивал кувшин дешевого кислого вина и падал на кровать. А завтра все с начала. Конечно, находясь на таком дне, он не мог дать своим детям ничего другого. Даже игрушки в доме были вытесаны из камня. Каменные куклы! Кошмар! И вас он учил тому же. Дальнейшая участь невинной крошки была predetermined. Пройдет немного времени, вы вырастите, превратитесь из невзрачной куколочки в прекрасную бабочку, и однажды из каменоломни придет в гости товарищ вашего отца. Увидит юную девицу, влюбится, уведет в свою нору или в пещеру. Где там живут люди каменоломни? И женится. А потом каждый день потным, грязным будет возвращаться домой. Снова луковый супчик, кувшин вина, потом побои любимой жене и в койку, где она будет ублажать своего благоверного. Конечно, если он не слишком пьян. Я прав? Тяжелое детство? Тяжелый труд, грязь, жуткое окружение и никакой перспективы. Все верно?

– Мой отец прекрасно зарабатывал. Мы из зажиточной светской семьи.

– Ах, я ошибся! Простите! Но, вы же молчите! Тогда, как такое могло случиться? Не понимаю! Объясните же!... Ну, хорошо. Когда впервые вы прикоснулись к этому ремеслу? Сколько вам было лет?

– Шесть.

– Кошмар!

– Почему?

– У ребенка масса игрушек, развлечений, прекрасных воспитанных друзей и подруг.

Но девочке этого мало! Она берет в руки каменные глыбы и начинает ими ворочать, вытаскивая какие-то фигурки. Снова молчите? Что же продолжу я... А может быть!... Понимаю. Понимаю! Фигуры голых людей! Может быть, в этом все дело? Раннее сексуальное развитие. Такое случается. Редко, но все же. Запретная тема, ранний порочный интерес. Вас однажды привели в музей, где показали скульптуры. Обнаженная натура! Кровь заиграла. Захотелось дома перед глазами иметь таких же колоссов с мощными руками и ногами, обнаженными торсами, мускулами, которые сводят с ума. Огромными... ха-ха, которые будоражат воображение! – и человек засмеялся. Он был невероятно противен в этот миг. Но успокоившись, продолжил:

– Девочка в своем юном воображении чувствует запах обнаженных тел. Эти фигуры уже о чем-то говорят, нашептывают ей на ухо. О далеком, запретном, порочном, но столь желанном. Невероятные фантазии овладевают ею всецело. Какие там куклы, какие слоники и ежики, вышивка и макраме? Папа, папа, а пойдем еще раз в музей. А ты можешь купить мне такие же статуэтки? А альбом с фотографиями? Нет, фотографии не хочу. Хочу глыбу. Каменную глыбу. Хочу научиться делать такие же фигуры. Прикасаться к ним, вожделеть. Под ладонями они будут становиться теплыми, податливыми. И юные руки уже в нетерпении дрожат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.